

Если главным развлечением в секте Цанъя были сплетни и их распространение, то жители города Е наслаждались наблюдением за суетой и созданием суеты.

Долгий период мира и преуспевания сделал людей смелыми и бесстрашными. Они не боялись наблюдать за суматохой и не боялись устраивать суматоху.

Они обсуждали нечестивое желание демонических культиваторов с Восточного континента возродить Демонический дворец, умопомрачительное богатство императорской семьи Северного континента, внешность первой красавицы секты Ляньцзянь, а также переживали, когда женится правитель их города.

Жители города Е интересовались как крупными, так и незначительными событиями, происходящими в мире, словно все они были важными людьми, которые имели право судить обо всем.

Даже с наступлением ночи в павильоне Тайхэ было шумно и оживленно. В этом отношении он ничуть не уступал павильону Цзиньфэн.

В зале на первом этаже была установлена высокая сцена. Рассказчик в длинных одеждах прополоскал рот лучшим сортом чая Маоцзянь и поклонился слушателям, сложив руки в знаке приветствия. Толпа мгновенно взорвалась оглушительными аплодисментами и криками одобрения.

Зал на первом этаже был уже полон, поэтому три молодых человека уселись в отдаленном уголке второго этажа. Один из них выглядел благородным и воспитанным ученым, другой — беззаботным молодым господином, а третий был укутан в черный плащ и черты его лица было невозможно разглядеть.

Но в городе Е кого только не было. Тут часто можно было встретить странных культиваторов. Его манера одеваться не привлекала ни капли внимания.

Инь Биюэ отпил из чашки заказанный Дуанем Трещоткой чай сорта Башань Цяошэ. Его сердце переполняли самые разные эмоции.

Он не ожидал, что они втроем действительно пойдут слушать истории!

Рассказчик на первом этаже уже начал свое выступление. Его сильный голос достигал каждого уголка зала.

— Все здесь знают, что через месяц в горах Чунмин, которые находятся в двух ли от нашего города, начнется фестиваль "Срывания цветка". К тому времени здесь соберутся юноши из каждой секты. Каждый из них продемонстрирует свои удивительные техники и способности. Это крайне редкое событие, которое случается раз в десять лет!

И когда уже все подумали, что сегодняшняя история будет о фестивале "Срывания цветка", рассказчик резко сменил тему.

— Но сегодня мы не будем говорить об этом. Тогда о чем же мы с вами поговорим? Давайте побеседуем о пророчестве главы академии Ланьюань с Центрального континента!

Публика возле сцены снова заплодировала.

Хотя тема фестиваля "Срывания цветка" была волнующей, но о ней рассказывали уже много

дней. Все слышали ее столько раз, что уже могли воспроизвести по памяти. Конечно же, люди обрадовались, что услышат что-то новое.

Когда Инь Биюэ услышал четыре слова — "глава академии Ланьюань", его сердце пропустило пару ударов.

Что еще за пророчество?

Рассказчик продолжил повествование:

— "Миру явят себя две звезды, схлестнутся дракон со змеей, жизнь и смерть сольются воедино, выживет лишь один". Эти слова произнес глава академии Ланьюань на озере Мин. Кто-то из вас их уже слышал, а кто-то, может, и нет.

Инь Биюэ действительно был незнаком с пророчеством. Триста лет назад он еще и не родился, поэтому лишь смутно помнил, что где-то слышал об этом.

— Но что именно означают эти слова? Как их понимать? Я уверен, что всем вам интересно это знать. Поэтому давайте сегодня поговорим об этом!

Снова послышались аплодисменты, и рассказчик продолжил, не намереваясь держать людей в напряжении:

— Среди множества звезд на ночном небе есть лишь один дракон, золотой Летящий дракон. Это седьмая звезда восточного квадрата. Что касается змеи, здесь имеется в виду седьмая звезда южного квадрата — созвездие огненной Крылатой змеи!

Это не были какие-то недоступные для понимания знания по астрономии. Те, кто немного в этом разбирался, сразу же воскликнули:

— Отлично сказано!

Некоторые, наоборот, недовольно заметили:

— Это и так всем известно. Как насчет того, чтобы объяснить, какое значение имеют эти две звезды?

Рассказчик засмеялся и сказал:

— Ну что за человек, глава академии Ланьюань! Любит он наводить тень на плетень! Конечно же, под этими звездами подразумеваются люди! Учитывая расположение золотого Летящего дракона и огненной Крылатой змеи, я полагаю, они символизируют секты Цанья и Баопу. В пророчестве говорится о старшем ученике пика Сихуа, Цзюнь Юе, и Линь Юаньгуе из секты Баопу. Эти двое — сильнейшие из младшего поколения обеих сект, и, конечно же, пророчество относится именно к ним.

Люди в ресторане принялись радостно обсуждать эту тему. Они понятия не имели, что сейчас в зале присутствуют трое учеников секты Цанья.

Инь Биюэ повернулся и взглянул на двух своих спутников. Дуань Чунсюань и Ло Минчуань даже глазом не моргнули.

Кто-то на первом этаже воскликнул:

— Эй, насчет "схлестнутся дракон со змеей" мы все поняли, но как объяснить "жизнь и смерть сольются воедино"?

Рассказчик не разозлился. Он пару раз взмахнул своим веером и сказал:

— "Сольются воедино" относится к обстоятельствам. Без всяких сомнений, это означает, что два человека встретятся при обстоятельствах, в которых будет решаться вопрос жизни или смерти.

— О? Ты говоришь так уверенно. Что, если ты ошибаешься?

Рассказчик холодно рассмеялся.

— Ха-ха! В этом случае можешь найти меня, и я заплачу за выпитый тобой чай!

Все понимали, что фраза о компенсации за выпитый чай была лишь шуткой. В историях, рассказываемых в павильоне Тайхэ, догадки и преувеличения играют важную роль. Разве можно их воспринимать серьезно? Рассказчик воспользовался возможностью и принялся рассуждать о старых делах между сектами Цанъя и Баопу. В зале снова разгорелись оживленные дискуссии.

Рассказчик неплохо разбирался в астрологии, а также был в курсе многочисленных слухов о различных сектах. Поэтому все присутствующие слушали его с большим интересом.

Но Инь Биюэ уже был не в настроении слушать его. Ло Минчуань заметил это и сделал легкое движение рукой над своей чашкой. Теперь шум переполненного зала больше не достигал их ушей.

Даже из-за ближайшего столика можно было увидеть лишь трех молодых людей, пьющих чай в полной тишине.

Инь Биюэ почувствовал внезапные изменения в духовной энергии, словно их теперь окружал невидимый барьер.

Насколько ему было известно, Ло Минчуань впервые продемонстрировал технику Разделяющего барьера.

Поэтому Инь Биюэ прямо высказал все сомнения, накопившиеся у него в душе. Он спросил у Дуань Чунсюаня:

— Это... правда?

Он прекрасно знал, что у Дуань Чунсюаня есть доступ к особым источникам информации благодаря его необычному происхождению. Он знал множество секретов и слухов. Если это касалось их старшего брата-ученика, то он обязательно должен был что-то знать.

Дуань Чунсюань не дал ему прямого ответа. Вместо этого он сказал:

— Говорят, что триста лет назад глава академии Ланьюань при свете луны пил вино на озере Мин. Он выпил четырнадцать кувшинов вина Люсиань семидесятилетней выдержки и, пьяный в стельку, распевал песни прямо на лодке.

Инь Биюэ просто не мог представить, чтобы тот достойный ученый, пивший чай в тени дерева, был способен по пьяни орать песни.

— И когда звездный свет отразился в водах озера, глава академии поднял взгляд к небу и посреди "Путешествия Феникса" пропел: "Миру явят себя две звезды, схлестнутся дракон со змеей, жизнь и смерть сольются воедино, выживет лишь один". Песня закончилась. Ночью над озером поднялся туман и продержался целых три дня. Когда туман развеялся, люди поняли, что на озере Мин главу академии Ланьюань посетило озарение. Пророчество записали, и оно теперь у всех на устах.

— Когда пошли первые слухи, немало сект пытались присвоить своим ученикам титулы дракона и змеи, но никаких доказательств не было. Со временем шумиха улеглась... Но лишь до тех пор, пока наставник не привел с собой первого брата-ученика, а в тот же самый год Линь Юаньгуй не вступил в секту Баопу. Позже, когда их репутация стала широко известна, о пророчестве заговорили снова. За последние годы разошлось немало слухов, которые возникли не на пустом месте.

Рассказав все это, Дуань Чунсюань вздохнул.

— Четвертый брат-ученик, ты посвятил себя культивации, поэтому не знаком с миром простых людей и тебе многое неизвестно. Но история, рассказанная сегодня, вовсе не является новинкой. Она ходит по всему Западному континенту.

— Ты веришь в это? — спросил Инь Биюэ.

— Я тоже надеюсь, что это неправда. Но, насколько мне известно, дата рождения Линь Юаньгуя прямо указывает на звезду Крылатой змеи. Хотя и говорят, что, пытаясь заглянуть в тайны, известные лишь небесам, можно навредить своей культивации, и что судьба непостижима и подвергается мириадам изменений, но ведь тогда глава академии как раз вошел в трансцендентальное состояние. Просветление, которое он тогда получил, в сотни раз точнее любых выводов. Более того... глава академии никогда не роняет слов впустую.

— Что насчет первого брата-ученика? Он знает об этом?

Дуань Чунсюань кивнул.

— Наверняка.

Когда Инь Биюэ это услышал, у него упало настроение.

Прежде он думал, что первый брат-ученик несет на своих плечах честь и славу пика Сихуа, репутацию "Улыбки весенней горы", и безопасность горы Цанья.

Только сейчас он осознал, что вопрос жизни или смерти тоже был его оковами.

Не то чтобы он не верил в Цзюнь Юя. Просто он знал, что Линь Юаньгуй тоже очень способный. Если не считать мудреца секты Баопу, он был самым сильным бойцом.

Если верить в пророчество главы академии, то их будет разделять не обычная застарелая вражда, а соперничество на грани жизни и смерти.

Рассматривать жизнь и смерть, словно реку, разделяющую берега, было слишком жестоко.

Казалось, Дуань Трещотка догадался, о чем он думает.

Он внезапно улыбнулся. Его голос стал звучать мягче.

— Четвертый брат-ученик, не нужно так беспокоиться. В конце концов, наш наставник не позволит, чтобы с первым братом-учеником что-нибудь случилось.

Инь Биюэ утратил дар речи.

Честно говоря, он совершенно не возлагал никаких надежд на легкомысленного наставника, который более сотни лет не появлялся на пике.

Ло Минчуань тоже улыбнулся, и атмосфера потихоньку начала терять напряженность.

Дуань Чунсюань спросил:

— Четвертый брат-ученик, ты знаешь, что произошло между нами и сектой Баопу?

Инь Биюэ кивнул.

— Ходят слухи, что на берегу реки Ба наставник всего лишь одним ударом меча уничтожил культивацию старейшины секты Баопу, который был на ступени Обретения бессмертия.

В этом не было никакого секрета. Этот удар меча был слишком знаменитым. Ночью он осветил всю реку Ба. Об этом происшествии слышали на всех пяти континентах.

— Секта Баопу утверждает, что Святой меча вел себя высокомерно и неразумно. Старейшина секты Баопу слышал, что Святой меча взял себе ученика, и хотел взглянуть на него. Но его не только оскорбили, но и подвергли несправедливому и жестокому обращению, безжалостно уничтожив его культивацию... Четвертый брат-ученик, ты в это веришь?

— Нет, — решительно ответил Инь Биюэ.

Если бы Святой меча был таким человеком, тогда первый брат-ученик и остальные тоже обладали бы другими характерами.

Дуань Чунсюань усмехнулся.

— На самом деле, в то время секта Баопу разбилась на две фракции. Только что образованная фракция утверждала, что культиватор должен следовать своей природе, достигая личного просветления. Старая фракция настаивала на том, чтобы сохранить существующий порядок вещей. Чем больше возносился Святой меча, тем меньше людей оставалось в старой фракции. Теперь, когда гора Цанья породила Святого меча, она стала угрожать положению секты Баопу на Западном континенте. Поэтому они впали в панику при появлении старшего брата-ученика, опасаясь, что в будущем он станет вторым Святым меча.

Инь Биюэ уже примерно догадался о ходе событий. Должно быть, секта Баопу пыталась навредить первому брату-ученику.

— Старейшины из старой фракции секты Баопу объединили силы с сильнейшими культиваторами нескольких мелких сект, подождали, пока Святой меча не уедет подальше, и похитили первого брата-ученика. В то время он был еще ребенком и толком даже меч держать не умел. Его отвезли на берег реки Ба, которая располагалась сразу за территорией секты Баопу, чтобы заставить Святого меча навредить своей культивации! И они требовали от Святого меча не просто понизить уровень культивации, но уничтожить одну из его духовных вен.

Услышав это, Инь Биюэ рассердился, но все равно заметил нестыковку в рассказе.

— Они? Разве этот старейшина секты Баопу был не один?

В глазах Дуань Чунсюаня промелькнула насмешка.

— Он был не один. Их было шестеро, да еще несколько человек из мелких сект. Всего двенадцать. Они считали, что как бы ни был силен Святой меча, он не сможет убить всех этих людей. Или, скорее, он не посмеет убить столько людей. Разве он не заботится о своей репутации? Как говорится, "толпу нельзя обвинить, толпа всегда права". Только поэтому они осмелились на подобное.

К этому моменту Инь Биюэ уже понял, чем все закончилось.

Как и ожидалось, Дуань Чунсюань продолжил:

— Прошло слишком много времени с тех пор, как в мире жили Святые, поэтому все забыли, каким могуществом они обладают. Святой меча одним взмахом меча убил одиннадцать человек и покалечил того старейшину секты Баопу на ступени Обретения бессмертия. Ему удалось уцелеть лишь потому, что он держал в руках первого брата-ученика, которого наш наставник опасался случайно ранить. После того происшествия секта Баопу утратила свой блеск. Новая фракция посчитала, что они были неправы, и постаралась больше не упоминать об этом. Хотя старейшины из старой фракции были уже мертвы, их ученики начали втайне распространять клевету на Святого меча, называя его жестоким, кровожадным и неблагоразумным.

Когда Инь Биюэ все это услышал, то рассмеялся.

— Такой человек, как наш наставник, разве он будет беспокоиться о чем-то вроде своей репутации?

Образ Святого меча, которого он никогда раньше не встречал, теперь предстал перед ним так живо, словно во плоти. Он даже мог нарисовать в своем воображении великолепие этого единственного удара меча на берегах стремительной реки Ба.

Что бы об их наставнике ни думали другие люди, Инь Биюэ чувствовал, что эта личность достойна восхищения.

Дуань Чунсюань тоже улыбнулся.

— Наставнику, конечно же, наплевать на болтовню ничтожных мошек... Поэтому четвертый брат-ученик может не волноваться.

Он выпил чая и с чувством вздохнул.

— Если считать, что у нашего наставника есть слабое место, то это слабое место — наш первый брат-ученик.